

ранѣе высказался противъ господства парламентовъ писатель несомнѣнно искренній и либеральный, Эмиль де-Лавеле.

Холодный анализъ вступаетъ въ свои права—и, быть можетъ, переступаетъ ихъ, по отношенію къ событіямъ прошлаго. Тѣмъ сравниваетъ Францію 1789 года съ пьянымъ человѣкомъ, которому члены уже не повинуются и который однако чувствуетъ себя въ самомъ возвышенномъ настроеніи, воображаетъ себя счастливымъ, всемогущимъ, любимымъ; потомъ наступаетъ мрачная подозрительность—періодъ безсмысленнаго буйства, насилій, преступленій. «Ничего подобнаго не бывало еще въ исторіи,—замѣчаетъ остроумный критикъ,—впервые можно было видѣть долгую и безпрепятственную работу бѣшеныхъ животныхъ, руководимыхъ глупцами, сошедшими съ ума» ¹⁾. Эмиль де-Лавеле не употребляетъ столь сильныхъ словъ и рѣзкихъ картинъ; онъ спокойно разбираетъ и отвергаетъ принципы французской революціи. «Мы разрушили—говоритъ онъ,—привилегіи дворянства, независимость провинціальныхъ собраній и общинъ, права цеховъ и корпорацій,—словомъ, мы низвергли все, что могло служить преградой для воли народа, надѣясь этимъ способомъ утвердить свободу; а въ дѣйствительности мы только очистили почву, на которой воздвигнется какая-угодно тираннія. Единая и всевластная республика, какую стремились основать во Франціи, есть нѣчто чудовищное; это—зданіе деспотизма, надъ которымъ вывѣшено республиканское знамя съ словами: свобода, равенство, братство». Законъ не долженъ быть выраженіемъ воли народа «по той простой причинѣ, что, не понимая ничего въ обсуждаемыхъ вопросахъ, народъ не можетъ имѣть воли въ этомъ отношеніи». Многочисленныя собранія представителей не даютъ хорошихъ результатовъ: «соберите вмѣстѣ нѣсколько сотъ весьма разумныхъ личностей, и они легко сдѣлаютъ какую-нибудь глупость». Въ палатѣ «человѣкъ выдающійся не въ состояніи заставить себя слушать, если онъ обладаетъ слабымъ голосомъ и идеями, несогласными съ мнѣніями большинства; тогда какъ ораторъ, одаренный звучнымъ органомъ, привлекаетъ вниманіе къ своимъ словамъ, хотя-бы рѣчь его заключала лишь общія мѣста и громкія фразы,—такъ-что сила легкихъ беретъ верхъ надъ силою ума». Вспомнимъ, что Тьеръ имѣлъ голосъ не особенно звонкій, что Луи-Бланъ говорилъ тихо и что герцогъ де-Брольи произносить свои рѣчи въ пискливомъ, непріятномъ тонѣ, — и однако они заставляли себя слушать съ напряженнымъ вниманіемъ, тогда какъ никто

¹⁾ H. Taine, Les origines de la France contemporaine, t. I, p. 459—60.